

**Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»
филиал «МУЗЕЙ ФРЕСОК ДИОНИСИЯ»**

Научно-популярная статья

О крестьянском домостроении на европейском севере России

А.Н. Торопов

Наличие жилья, кровя над головой является одной из важнейших потребностей человека. Особенно важно надежное убежище для географических зон с холодными зимами, таковою является территория европейского севера России. Конечно же, как и в других регионах, здесь все, что связано с планированием, возведением, обустройством жилья пережило эволюцию и приобрело устойчивые традиции, на формирование которых, в частности в XI–XIV веках, как считается, оказало влияние строительное ремесло древнего Новгорода [1, с. 7]. Обусловлено это процессом колонизации северных территорий новгородцами.

Планируя обустроиться на новом месте, первопроходцы в первую очередь оценивали условия окружающей среды. Основными транспортными артериями на северных территориях, конечно же, были реки, отсюда возникновение поселений именно по берегам рек, таких как Северная Двина, Шексна, Онега, Мезень и других. Необходимость заниматься сельским хозяйством заставляла держаться вблизи рек и озер, где на севере находятся лучшие земли, «междуречья же заняты тайгой и болотами». Значительная занятость населения в промысловом хозяйстве также заставляла «прижиматься» к рекам [2, с. 17]. Но не только практический рационализм являлся определяющим фактором: учитывалось не только удобство сообщения, ориентация по сторонам света, защита от преобладающих ветров, уровень воды при паводке; особое внимание уделялось красоте окружающей природы. Естественная среда определяла очень многое: границы селения, его обозреваемость, планировку, высоту сооружений. В таких селениях сложился древний тип планировки – прибрежно-рядовой. Дома располагались «порядками» и преимущественно были обращены фасадами к реке, которая как бы выполняла роль улицы, по ней перемещались летом на лодках, зимой на санях по льду. Улицы в современном понимании и уличный тип планировки селений появились лишь в XVIII веке с возникновением сухопутных дорог [3, с. 10].

Архитектура северной деревни в подавляющем большинстве представлена деревянными постройками. Дерево – строительный материал, почти в готовом виде предоставленный для использования самой природой. Древесина может обрабатываться несложными орудиями, обладает низкой теплопроводностью, сопротивляемостью действию атмосферных осадков, прочностью. Все это, а также повсеместная распространенность, обусловили популярность этого материала. Наиболее подходящими для строительства являются хвойные породы деревьев, благодаря большой длине и прямизне ствола, повышенной устойчивости к гниению. Лидерство здесь принадлежит лиственнице, но эта порода сравнительно редко встречается на европейском севере, и поэтому ее древесина применялась, например, лишь для нижних венцов срубов, наиболее подверженных

негативному воздействию влаги и повышенным механическим нагрузкам. Массово применялась в строительстве сосна; старались выбирать кондовую, произрастающую на сухих почвах. Менее популярна у наших предков была ель.

Заготавливали лес зимой или ранней весной (во время великого поста). Нередко это делали помочью (толокой), в которой участвовали родственники и соседи строящегося. Например, в Олонецкой губернии каждый из толочан приносил все необходимое для перевозки, возил лес на своих лошадях [4, с. 169]. Срубленный, распиленный на бревна и очищенный от коры лес вывозили в деревню, складывали на улице для просушки. Зажиточные крестьяне могли выдерживать его на протяжении нескольких лет, бедняки же пускали в дело древесину через несколько месяцев [5, с. 53].

В условиях преобладания натурального хозяйства крестьянская семья, затеявшая строительство нового дома, старалась обходиться своими силами. Общеизвестно, что плотницкое ремесло прививалось крестьянским мальчишкам с юности. Постыдным было для крестьянина неумение владеть топором. Для объемных работ, таких как изготовление сруба, последующая его сборка и устройство крыши, могли, так же как и при заготовке леса, призвать на помощь односельчан. Известно, что уже в XVI веке были артели, работавшие в городах. А, например, деревенские плотники из Тотемского уезда готовили срубы изб и комплектующие к ним для продажи и сплавляли их по рекам в города [6, с. 59]. Существовало две разновидности плотницких артелей: одни комплектовались подрядчиками, другие – равноправными членами, из числа которых выбирался старший. В крестьянском строительстве услуги специалистов, спрос на которые, вероятно, возрос в конце XVIII – начале XIX века, с ростом товарно-денежных отношений; в деревне использовались ими в разном объеме. Артельщики могли возвести весь дом, нередко даже заготовив перед этим лес, а могли быть наняты лишь для наиболее сложных операций, требующих определенной квалификации: устройство окон, дверей, изготовление полов, потолков. Такое разное применение труда квалифицированных специалистов зависело в первую очередь от финансовых возможностей нанимателей.

Что мог включать в себя договор между подрядчиком и заказчиком, например, в XVII веке? Это можно понять из приведенной книге И.В. Маковецкого подрядной крестьян-половников деревни Маркивица с Троице-Гледенским монастырем, расположенным вблизи Великого Устюга, которая излагает объем и характер строительных работ по возведению жилых построек. В ней указаны конкретные работы, которые должны исполнить крестьяне, а также определены: размер постройки – «изба пяти сажень с локтем»; диаметр бревен – «в отрубе бревно класти семь вершков» (31,5 см); уровень пола – «на четвертом ряду» (чуть больше 1 м); высота жилого помещения (около 3 м) – «а матица положить на пятнадцатом

бревне». Также подрядная сообщает об устройстве в избе лавок и способе их врубки в стену («в теньгу») и о лестнице в подполье у печи. Наконец, из этого документа мы узнаем, что изба будет состоять из двух срубов, заготовленных предварительно в лесу, стены ее будут конопатиться мхом, а на крыше будут «драницы и желоба и курицы»; наличие «дощатого» «дымовника» говорит о курном способе отопления [1, с. 22].

На основании вышеизложенного можно сказать, что в соглашении о строительстве заказчик и подрядчик максимально полно старались оговорить характеристики будущей постройки, определяя не только габаритные ее размеры, но и характеристики основных конструктивных узлов и элементов, а также номенклатуру строительных материалов, уделяя внимание особенностям внутренней отделки и оборудования интерьера.

Нанимал ли застройщик плотников или занимался строительством дома своими силами, первым этапом в собственно строительстве являлось изготовление сруба. Как известно, сруб – это горизонтально уложенные друг на друга ряды (венцы) бревен, связанных по углам. Русские крестьяне, в том числе и северные, для срубов использовали в основном круглое бревно. Наиболее естественным и подходящим при этом является способ угловой связи «в обло», иначе – «в чашу» (рис. 1). Такой способ соединения бревен являлся

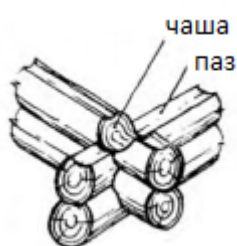

Рис. 1. Соединение «в чашу»

наиболее распространенным и в древнерусском жилище. Об этом свидетельствуют обнаруженные в ходе археологических раскопок новгородские жилища XI–XII столетий. До середины XIX века полукруглая чаша обычно вырубалась в верхней стороне каждого из бревен, позднее стали вырезать чаши преимущественно в нижних сторонах бревен. Такой подход позволяет снизить увлажнение поверхности чаши из-за затекания воды, что

положительно влияет на защиту древесины от гниения [4, с. 171]. Соединение «в чашу» можно назвать базовым, на основании которого появились более сложные соединения, с улучшенными теплоизоляционными или механическими показателями. Принципиально другое соединение, при котором концы бревен не выступают за поверхность стены – всем известное соединение «в лапу» (рис. 2). Этот способ был известен русским плотникам, вероятно, издавна, но серьезной конкуренции в крестьянском домостроении способу соединения «в чашу» и его производным, не создал, так как применялся в основном при строительстве крылец.

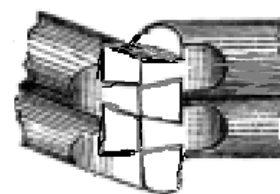

Рис. 2. Соединение «в лапу»

Для плотного прилегания бревен в стенах сруба, что необходимо для сохранения тепла, в каждом бревне с одной стороны вырубается продольный паз. Наиболее древним

является метод, при котором паз вырубался в верхней стороне нижнего бревна (рис. 1), «переход к более рациональному способу вырубать паз в нижней части верхнего бревна относится в основном к XVII веку» [7, с. 251].

Срубы северных изб могли насчитывать 20–30 и более рядов, что составляет значительную высоту (бревна меньше 5 вершков (22,5 см) в отрезе считались не пригодными для стройки зимних изб [8, с. 33]). Для удобства работы при изготовлении сруба его делили на 2–3 «стопы». Готовый сруб для просушки оставляли обычно неразобраным до осени, или до весны следующего года, когда он разбирался и собирался уже на предназначенном для постройки месте. Если строительство откладывалось, то бревна в срубе нумеровались, сруб разбирали, бревна складывали под навесы и хранили там до возобновления строительства. Такой порядок в деревянном строительстве, когда срубы рубились вчерне в одном месте, а на постоянном месте только собирались, зачастую спустя какое-то время, применялся и в Древней Руси. Это подтверждает найденный во время раскопок в Новгороде сруб погреба XII века, на бревнах которого сохранились насечки. Количество насечек соответствовало положению его в срубе [4, с. 173].

В вопросе устройства фундамента жилых построек наши предки были довольно консервативны. Так, при описании остатков жилищ X–XII веков, обнаруженных при раскопках в Минино на западном берегу Кубенского озера, в качестве фундаментных опор названы крупные плоские камни [9, с.18]. Камни-валуны мы встречаем и в описаниях основания северного жилища XIX века. Наряду с камнями использовались сосновые или лиственничные стойки из комлевой части ствола, которые заглублялись вровень с поверхностью или возвышались над землей на несколько вершков. Нередко крестьяне ставили избы прямо на грунт; примером этого служит известная «изба семи государей», построенная в Онежском уезде Архангельской губернии в 1765 году и сохранившаяся, несмотря на отсутствие фундамента, до начала XX столетия [10, с. 2–3]. О широком распространении в сельском домостроении бетонных или кирпичных фундаментов можно говорить, вероятно, применительно лишь ко второй половине XX века.

При сборке срубов жилых построек для теплоизоляции между рядами бревен обычно укладывали мох. Лучше всего для этих целей подходит росший в заливных местах «лывный» мох. Собранные срубные конструкции дома нуждались в защите от дождя, поэтому первоочередной заботой застройщика было устройство крыши. Наиболее распространенной на севере всегда была двухскатная ее конструкция. Всем известна безгвоздевая «самцовая» крыша в основе, которой следи, врубленные в «самцы» (бревенчатые фронтоны) (рис. 3). Тес нижними концами упирается в желоба, которые закреплены на особых крюках-«курицах». Верхние концы теса прижимает князевой желоб – охлупень, выступающая часть которого

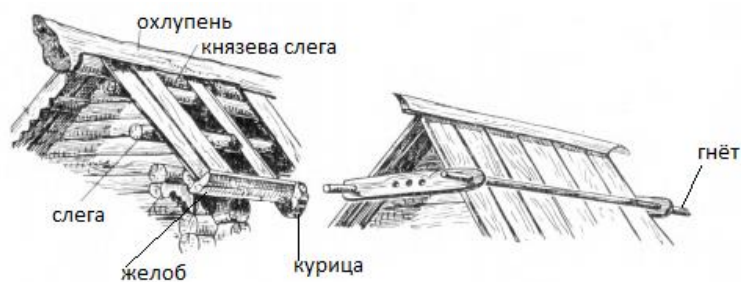

Рис. 3. «Самцовая» крыша. Из книги Е. Э. Бломквиста «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов»

обычно оформлялась в виде птичьей или конской головы. Дополнительно тес прижимался так называемым гнетом. Такого рода крыша не только выполняла свои практические функции, но и являлась украшением всего дома.

Обратившись к литературе по археологии, мы найдем упоминания об обнаруженных в слоях X–XIII веков на территории Новгорода, Старой Ладogi отдельных деталях крыш. Так, бревно фронтона (самец) указывает на двухскатный тип крыши, крючья-«курицы» говорят о способе закрепления кровли, схожем с вышеописанным. Только само кровельное покрытие существенно отличается. Судя по найденным остаткам, кровля выполнялась из сплошного бревенчатого наката с засыпкой глиной или землей, зачастую засыпке предшествовала укладка дренирующего слоя из соломы или камыша [11, с.136].

Соломенная кровля, особенно популярная в малолесистых южных районах, и на северных территориях играла не последнюю роль ввиду трудоемкости изготовления кровельного теса. Такая кровля не была в диковинку даже к концу XIX века, например, в деревнях севернее Тотьмы [8, с. 116]. Описывая соломенные крыши в Поважье, Ф.Н. Берг отмечает качество их изготовления: солома уложена «правильными рядами, плотно, снопами, а не навалено, как например, на пензенской избе» [12, с. 3].

С развитием лесопиления изготовление досок значительно упростилось, и собственно тесовые крыши стали уступать свое место крышам, закрытым «в карту», то есть пиленым тесом, на лицевой стороне которого делались канавки для стока воды.

Лесопиление и экономия круглого леса способствовали тому, что фронтоны домов делались не рубленными, а тесовыми, «самцовые» конструкции заменялись стропильной системой.

Устройство крыши в процессе строительства дома является завершением важного этапа, после которого крестьянин мог взять паузу – позволить срубам подсохнуть и дать усадку. Все дальнейшие работы: устройство дверей и окон, изготовление полов и потолков и другие, могли производиться последовательно и не требовали единовременного приложения значительных материальных и трудовых ресурсов.

Для северной деревни слово «дом» означает не только жилье, а целый комплекс, включающий в себя жилые пространства и хозяйственные помещения. На протяжении веков

получили развитие различные варианты объемно-планировочных решений крестьянского дома-двора, начало формирования их относится к позднему средневековью [13, с. 277].

Базовой однокамерной конструкцией бревенчатой постройки является клеть – четырехстенный сруб. Однокамерным было срубное наземное жилье, например, в древнем Белоозере у истока Шексны на правом ее берегу. Постройки рублены «в обло» из сосновых бревен, с размером стен около четырех метров, датируются X–XI веками [11, с. 64]. Более сложные двухкамерные жилища этого же периода находим на западном берегу Кубенского озера [9, с. 18]. Здесь к основной клетке добавляется пристройка – сени. Данное плановое решение закрепилось в крестьянском домостроении. Жилой дом, состоящий из одной утепленной клетки (избы) и сеней являл собой очень скромное жилье, характерное для беднейших крестьян. Отсутствие собственного домашнего скота давало возможность обходиться без двора. Такого рода постройки сохранились до середины XX века в деревнях Архангельской и Вологодской областей [1, с. 67].

Жилища «середняков» и зажиточных крестьян в большинстве своем имели более развитую жилую часть и хозяйственную, которая включала в себя помещения для скота, пространства для хранения сена, сельскохозяйственного и промыслового инвентаря и другие. Связующим звеном между частями дома являлись сени.

В исследовательской литературе довольно подробно представлено многообразие крестьянских домов-дворов, что наполнили деревни европейского севера России к XIX – началу XX века. Последующее же время для традиционного крестьянского домостроения можно назвать периодом упадка. Становление коллективных форм хозяйствования на селе способствовало распространению более дешевой типовой застройки. Развитие деревообработки снизило использование в строительстве традиционного бревна. Вследствие многолетних масштабных вырубок, дефицитным стал качественный строевой лес. Наконец, число мастеров-плотников, способных в совершенстве владеть топором, год за годом уменьшается. Все это, к сожалению, способствует тому, что вскоре увидеть традиционный северный крестьянский дом мы сможем лишь в музее или на старой фотографии.

Использованная литература:

1. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. – М.: Издательство АН СССР, 1962.
2. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1982. – 168 с., ил.

3. Ушаков Ю.С. Деревянное зодчество Русского Севера (народные традиции и современные проблемы). – Л.: Общество Знание, 1974.
4. Ганцкая О.А. Строительная техника русских крестьян. // Русские / Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1967.
5. Сафьянова А.В. Народное крестьянское жилище вологодской области. // Фольклор и этнография русского севера. – Л.: Наука, 1973.
6. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. – М.: Искусство, 1974.
7. Чижикова Л.Н. Сельская жилая и хозяйственная застройка в XIII–XVII веках // Русские / Отв. ред.: В. А. Александров. – М., 1997.
8. Едемский М.Б. О крестьянских постройках на севере России. // Живая старина. 1913.
9. Захаров С.Д. Средневековый горизонт: культурный слой, постройки, хронология. // Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия. (Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса). / Отв. редактор Н.А. Макаров. – Вологда: Древности Севера, 2001. – 48 с.
10. Костиков Л. Изба семи государей. // Материалы по этнографии России Т. II. – СПб., 1914
11. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. // Археология СССР. Свод археологических источников. / Под общей редакцией Б.А. Рыбакова. – Л.: Наука, 1975.
12. Берг Ф.Н. Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в важском крае. // Памятники древней письменности и искусства. – СПб., 1882.
13. Жирнова Ю.В. Традиционное жилище северо-западной Вологодчины. // Народное зодчество: Межвузовский сборник. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. – 368 с.

Торопов Алексей Николаевич
научный сотрудник отдела «Цыпино» Музея фресок Дионисия,
филиала Кирилло-Белозерского историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника
e-mail: ferapont-museum@mail.ru